
СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

«ПРОШУ РАЗОБРАТЬ ЭТО ПИСЬМО И УСТРАНИТЬ ОДНОСТОРОННИЕ ВЗГЛЯДЫ НА РАБОЧИХ, А ИНАЧЕ Я БУДУ ВЫНУЖДЕН НАПИСАТЬ В ЦК НАШЕЙ ПАРТИИ»: ПИСЬМА ВО ВЛАСТЬ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ*

А.С. Кимерлинг

Лаборатория социально-исторических исследований
Центр фундаментальных исследований
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ул. Мясницкая, 20, Москва, Россия, 101000

В статье исследуется проблема писем во власть, во-первых, как проявление демократического права населения на участие в управлении государством и права на правосудие, во-вторых, как оружие репрессивных политических кампаний, в-третьих, как важнейшая форма идентификации с властью. Дается характеристика жалоб как значимого явления советской действительности. Приводятся примеры характерных и особенных жалоб на материалах Пермского государственного архива новейшей истории. Рассматриваются способы работы с письмами граждан на местах. Исследуется содержание жалоб послевоенных лет, которые позволяют понять особенности повседневности тех лет, риторику эпохи, формы сопротивления несправедливости.

Ключевые слова: письма во власть, жалоба, донос, послевоенная повседневность, идентификация с властью, борьба за справедливость, советский миф, политическая кампания.

Жалобы были особо значимым явлением советской действительности. У них было как минимум четыре функции. Во-первых, они были своего рода проявлением демократического права населения на участие в управлении государством и на правосудие. Граждане СССР должны были видеть в мас-

* Исследование осуществлено в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013–2014 гг., проект № 12-01-0052. Issledovanie osushhestvleno v ramkah Programmy «Nauchnyj fond NIU VShJe» v 2013–2014 gg., projekt № 12-01-0052.

совом доносительстве и жалобах на всевозможные нарушения социалистических законов проявление подлинного народовластия.

Возникновение института жалоб связано с особенностью тоталитарных режимов, ведь на благополучие чиновника влияли не результаты его деятельности, а отношение вышестоящего начальника, что, с одной стороны, приводило к лести и угодничеству, с другой – к составлению отчетов о проделанной работе в угоду вышестоящим инстанциям.

Поэтому чиновники на местах чаще всего посылали вверх ту информацию, которую ждало от них начальство, а не ту, которая отражала реальное состояние дел. При этом власти не могли оставаться без достоверной информации хотя бы потому, что это создавало угрозу для них самих. В этой связи правительство поощряло жалобы и наказывало за недоносительство. Так что второй функцией жалоб было обеспечение обратной связи с властью.

В-третьих, «жалобы трудящихся» позволяли в нужный момент использовать их в политических кампаниях, задуманных властями в качестве повода для репрессий. В связи с этим интересна история с письмами Лидии Тимашук, где она жаловалась на профессоров-врачей, которые, как она считала, поставили неверный диагноз Жданову. Первое письмо датировано 1948 г. и адресовано начальнику Главного управления охраны МГБ СССР генерал-лейтенанту Н.С. Власику. С Л.Ф. Тимашук провели по этому поводу нравоучительную беседу, а вскоре понизили в должности. Тогда она написала второе письмо секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецову, курировавшему деятельность МГБ, на которое ей не ответили. Третье ее письмо было вновь адресовано А.А. Кузнецову. И опять никакой реакции не последовало. Не прошло еще время. Хотя намек на умышленно неправильно поставленный диагноз звучит вполне однозначно: «...Еще на ЭКГ... были указания на инфаркт миокарда. Совершенно непонятно, почему эти данные не были учтены консультантами... Весьма странно, что начальник Лечуправ профессор Егоров настаивал на том, чтобы я в заключении не записала ясный для меня диагноз...» (1). Четыре года письма Л.Ф. Тимашук пролежали в архиве, а в 1953 г. послужили поводом для начала «дела врачей». Важно отметить, что массовые репрессивные кампании довоенных лет зачастую обходились без использования жалоб, поскольку следствие чаще опиралось на признание арестованных (2). При этом инициировались они не газетными публикациями, а секретными приказами, а их публичная составляющая сводилась до минимума.

В-четвертых, в сталинскую эпоху письма в различные инстанции становились важнейшей формой идентификации с властью. Традиционные ценности постепенно отмирают или попадают под прямой запрет. Общество рвет социальные связи, и одинокий человек ищет защиты у власти, которая была единственным гарантом и воплощением порядка и безопасности, источником благ. Особую роль здесь играли «письма вождям», которые

Е.Ю. Зубкова определяет как «последнюю попытку вырваться из заколдованного круга повседневности» (3).

Жалобы имели разную форму: могли быть устными и письменными, очными и заочными, с подписью и анонимными, индивидуальными и коллективными. Партийные и государственные инстанции обязаны были реагировать на каждую «жалобу» или «критическое замечание». На предприятиях и в учреждениях существовали специальные журналы, где жалобы учитывались, а факты подлежали расследованию в четко установленные сроки. Если речь шла о членах ВКП(б), то такого рода «письма и жалобы» рассматривались на партийных собраниях, виноватым выносили партийные взыскания, намечался план исправления недостатков. Вне зависимости от того, подтверждались факты или нет, заявитель имел право на ответ. Он давался инстанцией, которой касалась жалоба, и имел формальное содержание. В частности, в нем сообщалось, подтвердились ли факты, изложенные в жалобе, затем уже речь шла о принятых мерах.

Жалобы в редакцию газет обычно публиковали под рубрикой «Письма в редакцию» либо могли быть отправлены как неопубликованная корреспонденция для принятия мер и ответа в инстанцию, упомянутую в жалобе. Редакции газеты вменялось в обязанность проследить за скорейшим исправлением отмеченных недостатков или наказанием виновных и опубликовать отчет в рубрике «По следам наших выступлений».

Вот пример письма во власть, которое показывает особенности риторики той эпохи, раскрывает целый ряд мифов, существовавших в сознании советских рабочих, демонстрирует разные формы борьбы с несправедливостью:

«Партия, правительство и лично тов. Сталин всегда проявляют заботу о человеке. В одном из докладов Сталина говорится: человек – это самый ценный капитал. 16.12.1947 было передано постановление правительства о денежной реформе и отмене карточной системы. В этом постановлении говорится, что мы после тяжелой войны подошли к советской свободной развернутой торговле, и что постановление слушали все граждане Советского Союза и плакали от радости на душе... Я работаю на заводе им. Дзержинского и наш завод в дни отечественной войны вырос в крупный гигант. Коллектив завода неоднократно одерживал победу в социальном соревновании и вместе шел коллектив инструментального цеха, который горячо подхватил выполнение пятилетнего плана в 4 года. И ряд товарищей работают в счет 5-го года пятилетки. Но ростом производительности труда особенно молодых рабочих занимаются плохо. Политика массовой и разъяснительной работы в цехе нет... Я беспартийный работаю в цехе 10 лет желаю участвовать в общественной жизни цеха которой у нас нет. Вот, например, 11.03.1948 на коротком совещании торжественно нам объявили, что 12.03.1948 проводится рабочее собрание с вопросом: заключение коллективного договора на заводе, и 2-е продажа муки в цехе всем рабочим!

Оказалось муку стали продавать по биркам! Вначале служащим а что останется то – рабочим. Но рабочие возмутились и на собрание не пошли. То администрация цеха решила задержать рабочим номера и оставить всех рабочих на собрание и наобещали продать муку после собрания.

Собрание проводил от администрации т. Петрищев, а от профорганизации никого не было, и заступиться за рабочих некому. 8-ми руб. муку 90 кг разделили, растащили нач-к цеха и парторг т. Минин и разные администраторы цеха и зам нач-ка тов. Конюхов унес 4 пакета муки с заднего хода? Тогда как участнику войны т. Черепанову не дали и силой его вытащил из очереди начальник ОТК т. Синицин и грубо наругал тов. Черепанова. А кадровые рабочие остались без муки как т.т. Ощепков, Бушуев, Федотовских и Романова. Это происходит, что вся администрация сжились семейно.

...Прошу разобрать это письмо и устранить односторонние взгляды на рабочих, а иначе я буду вынужден написать в ЦК нашей партии.

Фамилию не оглашаю, потому что Администрация и партийно-проф. организация не уважают, когда им подсказывают провду.

Сприветом рабочих. 12.3.1948. Цех № 9. Попова зав(од) им. Дзержинского» (4).

Анонимное письмо написано на тетрадных листах в клетку чернилами. Писал, действительно, простой рабочий – почти нет запятых, много орфографических и стилистических ошибок. Германия с маленькой буквы. Слово «правда» действительно написано через «о» – «провда», а «Сприветом» – слитно.

Слова, которые использует автор жалобы, повторяют газетную риторику тех лет. Человек как будто говорит не сам, за него говорят штампы: «Партия, правительство и лично тов. Сталин всегда проявляют заботу о человеке», «горячо подхватил выполнение пятилетнего плана в 4 года» и др. Отдельные штампы отражают речь политических кампаний именно послевоенных лет: «вся администрация сжились семейно».

Обратим внимание на содержательную структуру данной жалобы. Долгое вступление, в котором автор вначале ссылается на политику Сталина, затем подтверждает всенародную поддержку постановлению правительства об отмене карточной системы, после описывает многочисленные экономические победы своего завода, заканчивается критикой политмассовой работы в цехе. Далее автор, несмотря на анонимность, показывает свою политическую благонадежность – хоть и беспартийный, но со стажем работы и желает участвовать в общественной жизни. И только на третьем листе суть вопроса, наконец, проясняется. Долгое вступление – это не только ритуал, который должен был подтвердить лояльность автора письма по отношению к существующей системе, но и искренняя убежденность, что подобные слова необходимы, чтобы получить удовлетворение жалобы. В нем видны пропагандистские мифы, которые должны были усвоить все советские гражда-

не: о заботливом отце народов Сталине, о всенародной любви народа к советскому государству, о народе-победителе и т.д. Здесь также мы видим миф о том, что центральная власть эффективнее местной может разобраться в любой сложной ситуации.

При этом когда на заводе пришло время подписывать коллективный договор, в пропагандистских целях было решено организовать для этого торжественный ритуал. Но, понимая, что голодные рабочие нуждаются в стимуле, им обещают «выбросить» на продажу муку.

Надо сказать, что мука была в то время знаковым продуктом и достаточно часто становилась причиной конфликтов, которые нашли отражение в жалобах в партийные инстанции. Например, несправедливое распределение муки стало причиной спора между бывшим завмагом Продснаба № 1 при Березниковском магниевом заводе Сапеевым и его начальником Бокманом: «Именно 1 марта поступившая сортовая мука для продажи в розницу рабочему классу в порядке живой очереди не более 3 кг. Приходя ко мне в магазин Бокман приказывает мне как подчиненному лицу подавая список на 10 чел. развести муку 85% по квартирам по 30 кг каждому и говорит 5 мешков муки забронируйте и не куда... по квартирам дирекции: Бачурину, Бычину, Савельеву, Бригу и т.д.» (5). Завмаг пытался оставить немного муки хотя бы для своих подчиненных и обратился по этому поводу к начальнику торгового отдела Продснаба Бордюковскому: «Я его спросил почему же Бокман опять хочет муку развезти по спискам. Я говорю дайте хотя моим 9-ти сотрудникам по 3 кг. Не ужели мы в честь праздника 1-го Мая не хотим скушать белый пирог и белый оладик. Тогда тов. Бордюковский пишет письменное распоряжение кладовщику столовой № 1... отпустить 1 мешок для столовой № 1» (6).

Аналогичная история случилась на заводе им. Дзержинского, где муку в больших объемах разобрали начальники, по биркам купили служащие, а кадровые рабочие остались ни с чем. Кстати, понятие «бирки», по которым на заводе что-то выдавали или продавали, тоже элемент повседневности, который раньше ускользал от внимания исследователей.

Еще одна деталь повседневности раскрывается в рассмотренной жалобе. Оказывается, когда администрация завода хотела увеличить рабочий день, она «задерживала рабочим номера», судя по всему, именно эти «номера» позволяли выйти через проходную наружу. Скорее всего, ушедший без номера рабочий считался бы дезертиром, который привлекался к уголовной ответственности. Только на заводах им. Сталина, им. Молотова, им. Дзержинского (г. Молотов) в 1947 г. и первом квартале 1948 г. было оформлено и передано в народные суды за прогулы и дезертирство 6493 дел, а всего по области под суд попали 32 375 чел. За пять месяцев 1948 г. было отдано под суд 12 643 чел. (7). Наиболее частыми мотивами дезертирства были плохие условия труда, болезни, не подтвержденные документами; поездки в деревню по личным вопросам, перевод на другую работу без личного согласия, опоздание при возвращении из отпуска и др. (8).

Итак, рабочих лишили возможности купить муку, но они не проглотили обиду, а возмутились и на собрание не пошли. Получается, что подписание коллективного договора – это не вопрос регламентации трудовых отношений, а результат сиюминутного получения еды. Рабочие готовы подписать договор, но только если их за это покормят. Данный пример иллюстрирует сугубо ритуальный характер подписания коллективного договора, а также выявляет доиндустриальный характер взаимоотношений между начальниками и рабочими. Отказ прийти на собрание был первой формой сопротивления несправедливости, которую высвечивает жалоба. Другая форма сопротивления – это написание письма в обком или в ЦК ВКП(б).

Приведенное письмо, датированное 12 марта, хотя и было анонимным, но заставило администрацию прореагировать на него. 1 апреля в цехе было проведено партсобрание, на котором подтвердился указанный в жалобе факт «нарушения правил советской торговли при продаже муки». Состоявшийся пленум завкома разобрал этот вопрос и «начальнику цеха тов. Попову, предцехкому тов. Дулепову поставил на вид» (9).

Мифы играли важную роль в советской повседневности. Советский человек сталинской эпохи очень своеобразно воспринимал действительность. Логика не имела значения, когда речь шла об идеализированной советской реальности. Это явление исследователи сталинской эпохи называют «социальной шизофренией». Приведем пример еще одной жалобы, которая в полной мере иллюстрирует это явление. Письмо принадлежит верующим села Лобаново, которые также жаловались в обком партии: *«По конституции в нашей стране свобода вероисповедания. Ведь да? Так? Или нет? А ведь на самом деле нет! И вот почему. Сегодня в селе Лобаново на кладбище пришли местные люди, чтоб принести дань уважения и вспомнить умерших. Пришел поп из Кольцова, должен был служить на могилах, ведь мы живем в свободной стране... Но вот пришли председатель сельсовета Дружинин и директор школы Лобаново и увели священника в сельсовет, не дали ему служить, наверное, ругали его, обзывали... Вы осуждаете, что в других странах дела и слова расходятся, а у нас что? Мы верующие этим возмущены и подавлены. Будем писать Сталину, а то и сами поедем. Понятно, что это местные заправила хозяйничают»* (10).

Как видно из письма, люди были уверены в реальности Конституции, но обнаружили, что она не действует. При этом они убеждены в том, что виноваты только «местные заправила», а Сталин или секретарь обкома обязательно разберутся и рассудят по справедливости. Также легко советский человек находил объяснения «отдельным недостаткам» в своей повседневной жизни. Когда этих недостатков становилось слишком много, в стране началась политическая кампания, и объявлялся новый враг – внутренний или внешний.

Невзирая на все трудности, большинство советских людей видели только то, что демонстрировала им пропаганда. Идеология давала ответы на все

вопросы и служила путеводной нитью. «Именно в этом мире, – отмечала Х. Арендт, – благодаря одному только воображению лишенные корней массы могли чувствовать себя как дома и избавиться от нескончаемых шоковых ситуаций, которые реальная жизнь и реальный опыт опрокидывают на человеческие существа и их надежды» (11).

Одновременно жалобы как явление становятся частью культуры доносительства, которая переживала расцвет в сталинскую эпоху, когда был брошен лозунг: «Каждый гражданин – сотрудник НКВД». В.И. Ленин в свое время также говорил: «Хороший коммунист в то же время есть и хороший чекист» (12). В сталинскую эпоху слово «донос» бытовало только в обыденном языке. Общественная мораль XX в. по-прежнему осуждала доносительство. В.Г. Короленко писал в 1919 г.: «Власть доноса, – власть не только подлая и безнравственная, но и опасная... Берегитесь попасть во власть доносов» (13).

Казенный язык предпочитал заменять глагол «доносить» другими терминами: «сигнализировать», «сообщать», «доводить до сведения», «разоблачать» и т.п. Из криминальной среды в бытовую речь вошел глагол «стучать». В официальной речи место доноса заняла «жалоба». Первоначально составители советских толковых словарей не могли совершенно игнорировать слово «донос». Его моральная оценка полностью корреспондировала со сложившимся в либеральной среде суждением. В словарях 1930-х гг. «донос» имел исключительно контрреволюционный подтекст и определялся как «орудие борьбы буржуазно-черносотенной реакции против революционного движения» (14). Но уже в «Словаре современного русского литературного языка» 1954 г. издания понятие «донос» исчезает. Есть слово «доносить». Вторым пунктом значится: «Доводить что-либо до сведения какого-либо лица или учреждения» (15). «Жалоба», согласно этому же словарю, определяется почти также – как «заявление, указывающее на незаконное или неправильное действие какого-либо лица или учреждения» (16).

Постепенно слово «донос» практически исчезло из партийных и государственных документов сталинской эпохи. Вместо него появились синонимы, словосочетания-штампы, типа «письма и жалобы трудящихся», «критика снизу», «предложения коммунистов», «сигналы печати» и т.д.

Наиболее активно жалобы поступали в органы власти в периоды политических кампаний, позволявших людям выплеснуть накопившееся недовольство. Так было и в начале 1953 г., когда в качестве врага были определены медики – убийцы в белых халатах, и одновременно евреи – безродные космополиты. Письма, жалобы и заявления трудящихся огромным потоком хлынули в различные инстанции. Интересные данные приведены в одном из отчетов Кунгурского горкома партии за 11 апреля 1953 г.: «Количество жалоб... значительно увеличилось... За 3 месяца 1952 г. – 76 жалоб, за 3 месяца 1953 г. – 103. Изменился и характер жалоб... Если раньше больше было по квартирным вопросам, то теперь больше сигнализируют о беспорядках на предприятиях и учреждениях» (17).

В первой трети 1953 г. в партийных инстанциях развертывается кампания по налаживанию работы с жалобами и заявлениями трудящихся. Этой теме посвящены пленумы райкомов и горкомов, партийные собрания первичных парторганизаций предприятий и учреждений. Партийные инстанции настоятельно требовали улучшить работу с «письмами трудящихся». Однако за формально-бюрократическое отношение к этой проблеме следовали не слишком строгие партийные взыскания.

Некоторые инстанции продолжали относиться к жалобам по-прежнему. В обком потоком шли докладные, где начальники разного ранга отчаянно пытались оправдать свое несвоевременное реагирование на сигналы. Например, прокуратура отправила подобный документ 15 января 1953 г. В нем и.о. прокурора Молотовской области И.И. Буканов писал: *«Редакция газеты на проверку корреспонденций... устанавливает срок 10 дней. Этот срок является совершенно нереальным, уже не говоря о том, что сами корреспонденции поступают в прокуратуру после 2-х дней со времени подписания направления..., что проверка должна проводиться в районах области... а по почте они поступают исполнителям через 4–6 дней, само содержание корреспонденций... часто требует производства ревизий, бухгалтерской или графической экспертизы... “Правда” обычно такие корреспонденции просит проверить в срок 1 месяц»* (18).

Во всяком случае, именно во время политических кампаний возрастала вероятность того, что жалоба получит необходимый ее автору отклик. Так случилось с директором завода торгового машиностроения «Механолит» Сусловым. Начиная с 1950 г. на него писали доносы, однако Кагановичский райком и Молотовский горком защищали руководителя от нападок. «Дело врачей» не позволяло прощать покровительство неблагонадежным лицам. 23 января 1953 г. бюро Молотовского обкома партии вынесло следующее постановление: *«За злоупотребление правами единоначальника, нарушение государственной дисциплины, ротозейство, за отрыв от масс, игнорирование партийной организации и неправильное отношение к критике т. Суслова Ф.Л. с работы директора завода “Механолит” снять и объявить ему строгий выговор с занесением в учетную карточку»* (19).

После смерти Сталина и прекращения политической кампании по «делу врачей» тематика и интенсивность жалоб вернулась в свои обычные рамки. Подтверждением тому может служить «Справка о результатах проверки состояния рассмотрения жалоб и заявлений трудящихся», направленная Черномозским райкомом партии в адрес Молотовского обкома КПСС, в которой, в частности, отмечалось, что на первом месте по общему количеству жалоб за 1953 г. в районе находилась бытовая тематика, в то время как тема злоупотребления служебным положением была на втором месте (20). Таким образом, без идеологического давления из центра местная бюрократическая система, действуя по корпоративному принципу, сумела остановить невыгодные для нее потоки жалоб и выйти из-под огня критики.

Как показал рассмотренный материал, в жалобе можно явственно наблюдать такой культурный стереотип, как деление картины мира на черное и белое, добро и зло. Поскольку писать о недостатках в советском обществе было очень трудно (считалось, что в социалистическом мире их просто нет), поэтому все недостатки, как видно «из писем во власть» – «отдельные», трудности – «временные», «плохие» представители администрации завода – «не типичные». Отсутствие грамотности часто делало жалобу очень колоритной, где книжная речь перемежалась просторечиями и фольклорными элементами, а через официальную риторику прорывались действительные проблемы и реальная повседневность.

Книжный дискурс при этом имеет четко прописанные смысловые единицы, такие, как «партия», «патриотизм», «вождь», «завод-гигант». Особенностью является повышенная актуализация сюжетов, метафор, эпитетов. Речи вождя и постановления правительства становятся безусловным авторитетом. Разные органы власти и газеты получали тысячи подобных жалоб. В ГАРФ хранятся, например, итоговые статистические отчеты Приемной председателя Верховного Совета СССР, для которой повседневная работа с населением была одним из главных направлений деятельности. По этим отчетам только в 1951 г. по почте было получено 240,7 тыс. обращений (21). Это и позволяет сделать вывод о том, что письма во власть были своеобразным способом реализации демократических прав граждан.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Малкин В. Семь писем Лидии Тимашук // Новое время. – 1993. – № 28.
- (2) См.: Кабацков А.Н., Федотова И.Ю. «Пишите то, что я приказываю» – массовая операция по приказу 00447 в г. Краснокамске // Вестник архивиста. – 2011. – № 1. – С. 150–163; Лейбович О.Л., Колдушко А.А., Казанков А.И., Шабалин В.В., Чащухин А.В., Кимерлинг А.С., Станковская Г.Ф., Кабацков А.Н., Шевырин С.А. «Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937–1938 гг. – М., 2009.
- (3) Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность 1945–1953. – М., 1999. – С. 173.
- (4) Пермский государственный архив новейшей истории (ПермГАНИ). – Ф. 105. – Оп. 14. – Д. 516. – Л. 5–7.
- (5) Орфография и пунктуация автора сохранена. См.: ПермГАНИ. – Ф. 105. – Оп. 14. – Д. 510. – Л. 17.
- (6) Там же. – Л. 18.
- (7) Там же. – Д. 442. – Л. 145.
- (8) Там же. – Л. 150.
- (9) Там же. – Л. 8.
- (10) Там же. – Л. 14.
- (11) Арндт Х. Истоки тоталитаризма. – М., 1996. – С. 466.
- (12) В.И. Ленин и ВЧК. – М., 1975. – С. 363.
- (13) Негретов П.И., Короленко В.Г. Летопись жизни и творчества. 1917–1921. – С. 129.
- (14) Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова – М., 1934. – С. 766.

- (15) Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – Т. 3. – М.; Л., 1954. – С. 979–980.
- (16) Там же. – Т. 4. – М.; Л., 1955. – С. 18.
- (17) ПермГАНИ. – Ф. 158. – Оп. 21. – Д. 13. – Л. 16.
- (18) Там же. – Ф. 105. – Оп. 20. – Д. 156. – Л. 27.
- (19) Там же. – Д. 29. – Л. 73.
- (20) Там же. – Д. 199. – Л. 149–150.
- (21) ГАРФ. – Ф. 7523. – Оп. 85. – Д. 272.

NOTES

- (1) Malkin V. Sem' pisem Lidii Timashuk, *Novoe vremja* [New time], 1993, vol. 28.
- (2) Sm.: Kabackov A.N., Fedotova I.Ju. "Pishite to, chto ja prikazyvaju" – massovaja operacija po prikazu 00447 v g. Krasnokamske, *Vestnik arhivista* [Bulletin of the archivist], 2011, no. 1, pp. 150–163; Lejbovich O.L., Koldushko A.A., Kazankov A.I., Shabalin V.V., Chashhuhin A.V., Kimerling A.S., Stankovskaja G.F., Kabackov A.N., Shevyrin S.A. "Vkljuchen v opera-ciju". *Massovyj terror v Prikam'e v 1937–1938 gg.* [«Included in the operation». Mass terror in Perm in 1937–1938]. Moscow, 2009.
- (3) Zubkova E.Ju. *Poslevoennoe sovetskoe obshhestvo: politika i povsednevnost' 1945–1953* [The postwar Soviet society: politics and everyday life 1945–1953]. Moscow, 1999, p. 173.
- (4) *Permskij gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii (PermGANI)* [Perm State Archive of Contemporary History]. F. 105. Op. 14. D. 516. L. 5–7.
- (5) *Orfografija i punktuacija avtora sohranena. Sm.: PermGANI.* F.105. Op.14. D. 510. L. 17.
- (6) Tam zhe [Ibid.]. L. 18.
- (7) Tam zhe [Ibid.]. D. 442. L. 145.
- (8) Tam zhe [Ibid.]. L. 150.
- (9) Tam zhe [Ibid.]. L. 8.
- (10) Tam zhe [Ibid.]. L. 14.
- (11) Arendt H. *Istoki totalitarizma* [The Origins of Totalitarianism]. Moscow, 1996.
- (12) *V.I. Lenin i VChK* [V.I. Lenin and VChK]. Moscow, 1975, p. 363.
- (13) Negretov P.I., Korolenko V.G. *Letopis' zhizni i tvorcestva. 1917–1921* [Chronicle of the life and creativity. 1917–1921]. Moscow, 1990.
- (14) *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka* [Russian explanatory dictionary] / Pod red. D.N. Ushakova. Moscow, 1934.
- (15) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka: V 17 t.* [Dictionary of modern Russian literary language]. Moscow; Leningrad, 1954, vol. 3, p. 979–980.
- (16) Tam zhe. 1955, vol. 4, 18 p.
- (17) *Perm GANI.* F. 158. Op. 21. D. 13. L. 16.
- (18) Tam zhe [Ibid.]. F. 105. Op. 20. D. 156. L. 27.
- (19) Tam zhe [Ibid.]. D. 29. L. 73.
- (20) Tam zhe [Ibid.]. D. 199. L. 149–150.
- (21) *GARF.* F. 7523. Op. 85. D. 272.

**«PLEASE INQUIRE INTO THIS LETTER
AND ELIMINATE UNILATERAL VIEW ON WORKERS,
OTHERWISE I WILL BE COMPELLED TO WRITE
TO THE CENTRAL COMMITTEE OF OUR PARTY»:
LETTERS TO AUTHORITIES IN POST-WAR YEARS**

A.S. Kimerling

Laboratory of Social and Historical Research
Centre of Fundamental Research
National research university «Higher School of Economics»
Myasnitckaya Str., 20, Moscow, Russia, 101000

The article is devoted to the Soviet phenomenon of «letters to authorities». Three major interpretations of «letters» are presented: 1) as a way to implement the democratic right for participating in state management and right for justice; 2) as an instrument for repressive political campaign; 3) as a significant form of personal identification with authorities. Claims were an important social phenomenon of the Soviet life. The author presents typical and specific claims (on the materials of Perm State Archives of Contemporary History) and ways of dealing with them on the local level. The author analyses the post-war years' claims, which help to understand the peculiarities of the Soviet everyday life, the rhetoric of the era, and the forms of citizens' resistance to injustice.

Key words: letters to authorities, complaint, denunciation, post-war everyday life, identification with authorities, citizens' resistance to injustice, Soviet myth, political campaign.